

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Г. И. Дзенискевич

РОЛЬ ТОТЕМНОЙ СИМВОЛИКИ В ПОТЛАЧЕ У ТЛИНКИТОВ

Потлач у индейцев северо-западного побережья Северной Америки — сложный культурный феномен, уходящий корнями в глубокое прошлое.

На протяжении многих столетий потлач являлся тем стержнем, вокруг которого была сосредоточена вся экономическая и обрядовая деятельность индейцев. Внешняя сторона потлача всегда одинакова: это продолжающееся несколько дней коллективное празднество с угощением, обязательной раздачей подарков приглашенным и ритуальными плясками. Поводы для его устройства бывали самые разные: постройка нового дома, установление тотемного столба, демонстрация новой родовой эмблемы, поминки, вступление вождя в должность, присвоение нового имени или титула и др. Участники потлача всегда делились на две половины, одна из которых состояла из сородичей, другая — из гостей.

За долгую историю развития в потлаче выявлялись новые грани, возникали новые поводы для его устройства, но неизменной оставалась экономическая сущность, давшая жизнь церемонии в целом. На уровне самого глубинного исторического пласта в основе потлача лежал обобщенный ритуальный обмен между половинами дуально организованного коллектива, а на этапе перехода от доклассового общества к классовому, когда уже сложились условия для индивидуального обогащения, но еще сохранялась коллективная собственность на угодьа, он стал своеобразным способом перераспределения богатств¹. Публичная раздача накопленных сокровищ с конца XVIII в. становится формой закрепления за раздающим экономических привилегий и господствующего положения в роде. Конечная же цель — установление права на родовые угодьа — оставалась неизменной на всем протяжении многовекового существования этого института.

В зарубежной науке наряду с трактовкой потлача как института экономического² до сих пор широко распространена трактовка его как сугубо религиозного³ и даже психологического института⁴. Причиной нередких заблуждений в объяснении сути потлача послужила отчасти его многофункциональность и особенно то обстоятельство, что некоторые

¹ Аверкиева Ю. П. Индейцы северо-западного побережья Северной Америки (тлинкиты) // Североамериканские индейцы. М., 1978. С. 346.

² Mauss M. The Gift Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies. N. Y., 1967. P. 33; Drucker Ph. Cultures of the North Pacific Coast. San Francisco, 1965. P. 55—56.

³ Davy G. Foi juree // Travaux de l'Annee sociologique. P., 1922. P. 175; Emmons G. The Potlatch on the Northwest Coast // Amer. Museum J. N. Y., 1910. V. 10. P. 229—230; Swanton J. Social Conditions, Beliefs and Linguistic Relationship of the Tlingit Indians // 26-th Annual Report Bureau of American Ethnology, Wash., 1908, P. 435.

⁴ Benedict R. Patterns of Culture. N. Y., 1935. P. 189—210.

функции (например, поминальная) проявлялись настолько ярко, что мешали подчас разглядеть главную цель церемонии.

Сложная обрядность, которой обставлялась церемония любого потлача, носила яркие черты тотемного культа, а темной символике, как и некоторым обязательным ритуалам праздника, отводилась важная информативная роль. Не ставя своей целью подробную характеристику института в целом, мы в данной статье сконцентрируем внимание лишь на его информативной функции, которая часто недооценивается либо вовсе не учитывается исследователями.

Суть и функции потлача были одинаковы у всех групп индейцев северо-западного побережья Северной Америки, различия проявлялись только в деталях. В тлинкитском потлаче большинство исследователей видят исходную форму института. Этим отчасти объясняется выбор именно его для выявления роли тотемной символики в церемонии.

Итак, потлач — это, как уже отмечалось, празднество, предполагавшее угощение и одаривание большого числа гостей, а, значит, устроить его мог только человек состоятельный, каковым чаще всего оказывался вождь родовой группы. Рядовые члены группы, не имевшие возможности организовать церемонию самостоятельно, могли присоединиться к потлачу вождя и, используя случай, помянуть на нем своих родственников или под покровительством вождя утвердить присвоение новых имен своим детям⁵. Нередко празднество устраивалось на коллективных началах. Исходным несомненно был именно коллективный характер потлачей. Принцип родового коллективизма в той или иной степени сохранялся и на поздних этапах развития института. Не случайно Ф. П. Литке, присутствовавший на большом тлинкитском потлаче, отметил, что «общественные игрушки⁶ даются не семействами, а коленами»⁷ (родовыми группами или частью их. — Г. Д.). На более ранних этапах устроителем потлачей выступала обязательно вся родовая группа в силу установившихся обязательств между ней и соседней группой, которая приглашалась в качестве коллективного гостя.

Вся обрядность тлинкитского потлача окрашена символикой тотемистических представлений. На северо-западном побережье Северной Америки система тотемных кланов прослеживается с незапамятных времен. У тлинкитов тотемизм существовал в развитой, яркой форме. У них были распространены различные виды группового тотемизма: фратриальный, родовой, позже — семейный. Фратриальный тотем был общим для всех родов фратрии; иногда он закреплялся в качестве основного за одним из родов, и тогда остальные почитали его в качестве второго тотема. Множественность родовых тотемов была особенно характерна для поздних этапов развития тотемизма, и это нашло отражение в его символике. Как известно, своеобразие тотемизма на северо-западном побережье Северной Америки заключалось в разрешении убивать и поедать тотемных животных. Это правило, однако, не было извечным, и подтверждением тому служат многие факты. Сохранялись, например, обычаи строгих запретов, так или иначе связанных с тотемом. Среди них прежде всего обращает на себя внимание обычай, запрещающий членам тотемной группы самим изготавливать любое изображение (рисунок, скульптура, резьба и т. д.) своего тотема.

Нельзя было, например, самим изготавливать посуду, использовавшуюся для потлача, — это делали мастера из соседней группы. Употреблявшаяся в церемонии специальная посуда, вырезанная в форме тотемного животного либо украшенная его символами (рис. 1 и 2), как бы воплощала живого тотема, и еда из нее приравнивалась к ритуальному вкушению тела тотема. Насколько важное значение придавалось на празд-

⁵ *Laguna F. de Under Mount Saint Elias: The History and Culture of the Yakutat Tlingit. Smithsonian Contributions to Anthropology. Wash., 1972. V. 7. Pt. 2. P. 610.*

⁶ В русских печатных изданиях прошлого века потлач обозначался сибирским термином «игрушка».

⁷ *Литке Ф. П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявине» в 1825—1829 гг. М., 1948 (2-е изд.). С. 79.*

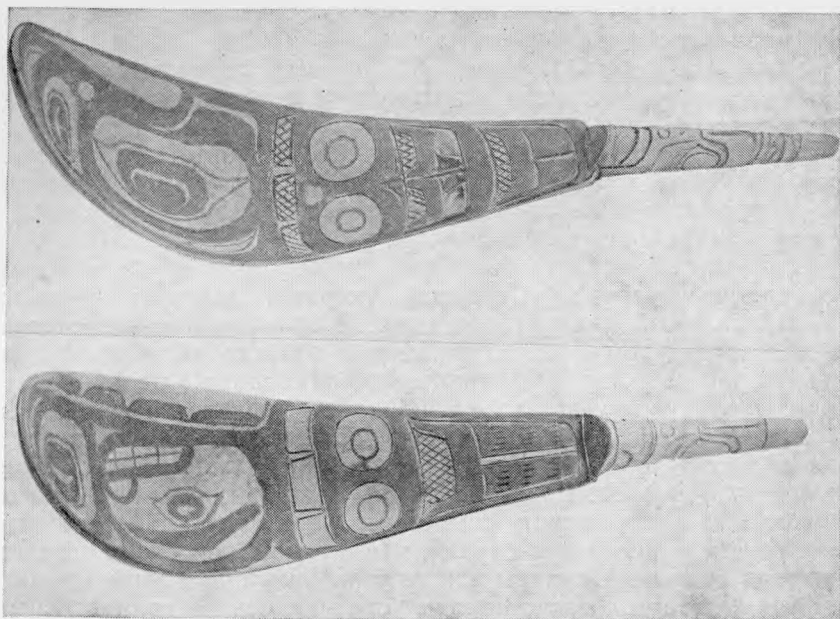

Рис. 1. Ложки, использовавшиеся на потлачах (колл. МАЭ, № 2539—27, 28)

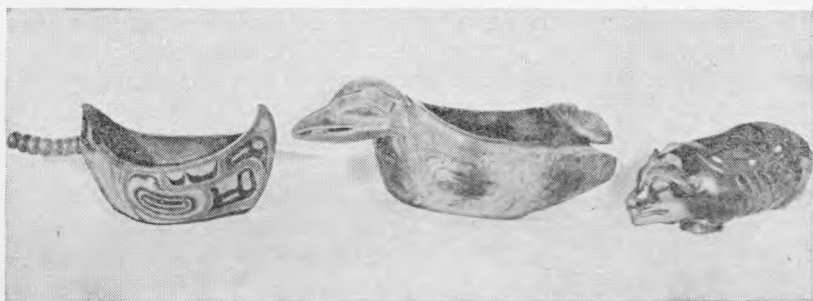

Рис. 2. Деревянные сосуды, использовавшиеся на потлачах (колл. МАЭ № 593—46; 2539—15,18)

нестве этой процедуре, свидетельствует хотя бы тот факт, что первоначально само слово «потлач» означало «кормить»⁸. Хозяева праздника из такой посуды никогда не ели, а по окончании пиршеств прятали ее и хранили до следующего потлача. Можно предположить, что в данном запрете нашел отражение строго соблюдавшийся в далеком прошлом запрет на поедание своего тотема. Тот факт, что угощение готовилось только для гостей — представителей другого рода, подчеркнул один из первых европейских очевидцев церемонии И. Вениаминов. Сразу после обязательных песен и плясок «обыкновенно бывает, — писал он, — приличное угощение, разумеется, одних только гостей, которые одни имеют привилегию быть угощаемы»⁹. Нередко гости даже устраивали своего рода состязания в еде, а хозяева при этом ревниво следили за их действиями¹⁰. По окончании праздника остатки ритуальной еды раздавались опять-таки гостям и увозились ими.

Кроме съестных припасов гостям раздавались различные материальные ценности, которые специально ко дню потлача накапливались его

⁸ Mauss M. Op. cit. P. 4.

⁹ Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840. Ч. 3. С. 103—104.

¹⁰ Swanton J. Op. cit. P. 438—442.

будущим строителем. Среди предназначенных к раздаче вещей были не только добытые на охоте (шкуры, мясо животных, жир), но и приобретенные путем обмена (одеяла, бисер, металлическая посуда, одежда и пр.); дарили также ремесленные изделия. Этот довольно обширный ассортимент дарственных предметов фигурировал на позднем этапе истории потлача. На раннем же этапе основными дарами были мясо тотема, а потом и его шкура. Фольклорные материалы могут служить тому подтверждением. Ворон — мифический культурный герой, который, согласно легенде, первым устроил потлач в память умершей матери, — раздавал своим гостям только рыбу, считавшуюся тотемом его родовой группы¹¹.

Приведенные факты являются, видимо, отражением той отдаленной эпохи, когда основные тотемы были из числа промысловых животных региона и когда жесткие нормы традиции запрещали убивать своего тотема в целях поедания, но разрешали его ритуальное убиение; в последнем случае мясо передавалось членам другой тотемной группы. Вторая группа, связанная, как правило, с первой брачными обязательствами, в свою очередь таким же образом передавала ее членам мясо своего тотема. Постепенно обычай преобразовался в символический обмен тотемными животными сначала в форме дарения только их шкур, а затем в виде иных даров, которые поначалу также символизировали собой тотема (одеяла и накидки с его знаками и т. д.). Нередки случаи, когда устроитель потлача, не имея возможности одаривать всех приглашенных целыми шкурами животных или целыми накидками, разрезал их и раздавал по частям, что опять-таки может служить свидетельством важности символической передачи своего тотемного животного членам другой тотемной группы. Символический обмен при этом имел не меньшее значение, чем обмен реальный.

Система обмена дарами — самая характерная черта потлача. Недаром Мосс в обязательстве «давать» и «возвращать» в виде ответного дара справедливо видел основной мотив и суть потлача¹². К XIX столетию, когда среди индейцев северо-западного побережья уже шел процесс имущественного расслоения и индивидуальное накопление богатств стало явлением распространенным и престижным, спектр экономической функции потлача еще больше расширился.

Далее, членам родовой группы запрещалось самим изготавливать изображение своего тотема и при строительстве родового дома, поскольку в последнем проводились особо сакральные церемонии, в том числе инициальные. Первых европейцев, посетивших селения тлинкитов, поразил декор их домов. С внешней стороны стены жилища, особенно фронтон, украшались резьбой и рисунками. В той части жилища, где помещался вход, обычно изображалось гигантское животное, причем так, чтобы вход как бы проходил через его тело (рис. 3). Более того, нередко на этой стене рисовали или скульптурно оформляли голову животного, и его широко раскрытый рот служил входом. Даже при очень слабом воображении легко представить себе ощущение входящего, которого тут же как бы «пожирал» гигантский монстр.

Необычное, на наш взгляд, декоративное оформление входа отражало не только мифологическую идею о связи людей этого дома с изображенным на фасаде животным, но и служило яркой иллюстрацией важнейшей ступени древнего обряда инициации. Как известно, кульминационный момент церемонии состоял в умерщвлении и воскресении посвящаемого. Смерть изображалась символическим пожиранием неофита чудовищем. Первоначально для проведения обряда строились специальные дома, форма которых должна была напоминать тотемное животное. По-видимому, в этом и кроются истоки происхождения традиционного запрета для членов определенной тотемной группы на любые работы,

¹¹ Аверкиева Ю. П. К истории общественного строя у индейцев северо-западного побережья Северной Америки // Американский этнографический сборник. М., 1968. С. 71.

¹² Mauss M. Op. cit. P. 37—39.

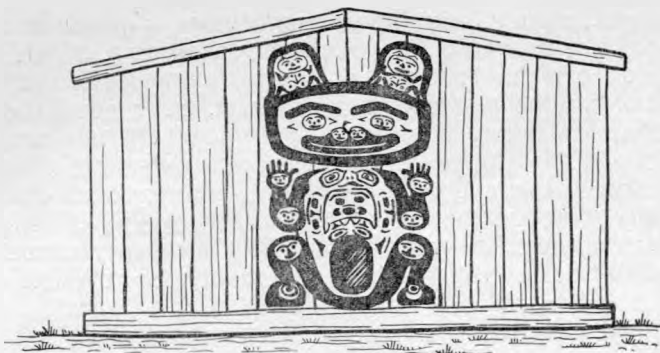

Рис. 3. Фасад тлинкитского дома. Прорисовка из кн.: *Joan M. Vastokas. Architecture of the Northwest Coast Indians of America. Columbia University. Wash., 1966, Plate 23*

связанные с постройкой родового дома (позже только с воздвижением тотемного столба перед ним, поскольку лишь на нем сохранялись изображения родовых тотемов); привлечение же членов другой тотемной группы для выполнения этих работ породило своеобразный способ оплаты их труда в форме даров, распределяемых во время потлача, специально устраивавшегося сразу же после окончания строительства.

Нельзя было также членам родовой группы самим хоронить умершего сородича. Происхождение этого запрета могло корениться в древнем поверье, будто люди после смерти перевоплощались в тотема и, следовательно, становились неприкасаемыми для членов данного рода. Вот почему последние почести покойному и все работы, связанные с тем или иным способом избавления от трупа, осуществлялись не кровными родственниками покойного, а членами противоположной фратрии. Представители ее без специального приглашения сами являлись для совершения обряда, как только узнавали о смерти. Они готовили труп к кремации, доставляли к месту сожжения (или погребения), сооружали погребальный костер или платформу. В обязанности кровных родственников входило лишь ритуальное оплакивание в определенные моменты похорон и произнесение речи, в которой поминались заслуги умершего. Оплатой труда тех, кто помогал хоронить сородича, служили дары, раздаваемые на поминальном потлаче.

Похороны и поминки были наиболее частым поводом к устройству потлачей, и именно эти церемонии отличались самым щедрым одариванием гостей. Не случайно большинство исследователей считают погребальный потлач основой происхождения всех остальных потлачей и, следовательно, самым архаичным из них. Фредерика де Лагуна, например, определяет потлач как «один из эпизодов серии церемоний, посвященных памяти умершего». По ее мнению, основная цель церемонии как раз и заключалась в «оплакивании и памяти об умершем и в благодарении надлежащим образом членов противоположной фратрии, которые позаботились о трупе или работали над сооружением памятника»¹³.

Смерть всегда сопровождалась сложным обрядом, тем более когда умирал вождь. Несколько дней, пока съезжались похоронщики, труп, завернутый в одеяла, находился в доме. Вокруг него для всеобщего обозрения раскладывались все регалии умершего, и прежде всего родовые: маски, жезлы и специальные символы-эмблемы, или гербы, как их обычно именуют в литературе, с графическими изображениями родовых тотемов (рис. 4). Все эти «племенные знаки рода», по свидетельству архимандрита Анатолия, не сжигались, а переходили к наследнику умершего, так как считались родовой собственностью, которая должна была

¹³ *Laguna F. de. Op. cit. P. 606.*

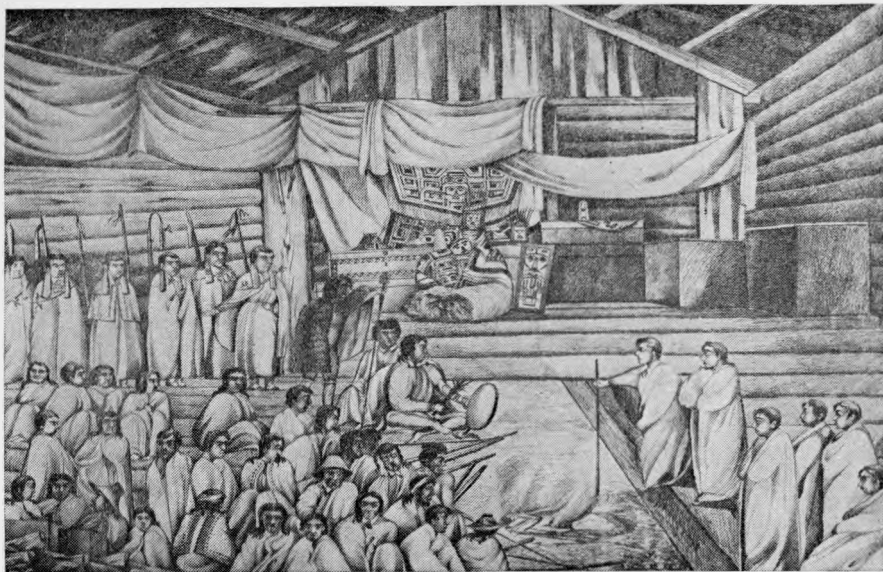

Рис. 4. Похороны тлинкитского вождя (рисунок И. Г. Вознесенского. Колл. МАЭ, № 1142—28)

оставаться в роде¹⁴. Наиболее ответственным моментом похорон считалась речь, произносимая, как правило, главой рода или семьи, в которой рассказывалось о делах покойного, о его личных достоинствах.

Привлекает внимание тот факт, что практически на любом потлаче независимо от того, по какому поводу он устраивался, неизменно звучал поминальный мотив. Так, на церемонии в связи с постройкой нового дома или в честь совершеннолетия детей оратор непременно по традиции напоминал присутствующим о великих предках рода или хотя бы об одном из них, считавшимся его основателем. При этом выступающему полагалось облачаться в традиционный наряд, который обычно символизировал легендарного предка. Глава рода Бобра, например, надевал маску бобра или соответствующий головной убор, на плечи набрасывал накидку, расписанную стилизованными изображениями бобра, брал в руки погремушку, вырезанную в форме бобра или украшенную его символами, и только в таком виде он мог появиться перед приглашенными на церемонию гостями и произнести традиционную речь, в которой обязательно, как уже отмечалось, содержался рассказ о легендарном предке. Облачившись в наряд, символизирующий родового предка, вождь или глава семьи как бы олицетворял этого предка. В любом случае, однако, подразумевался конкретный антропоморфный предок, а символы животного на регалиях и обрядовом наряде служили как бы его кодом (см. рис. 5). Скорее всего эти опознавательные знаки были просто связаны с именем легендарного предка, поскольку обычай давать имена по животным, растениям, стихиям и т. д. культивировался с древнейших времен. И. Вениаминов, сообщая о делении тлинкитов на два основных рода — род Ворона и род Волка, сразу же поясняет, что под именем Ворона «не разумеется ворон птица, но человек, носивший такое название. Колоши волчьего рода признают своим родоначальником не волка зверя, но также человека»¹⁵.

Из того, как упорно и последовательно, используя любой случай массовой сборки соплеменников и соседних родственных групп, воскрешалась память о предке — основателе рода, ясно, что роли этого предка придавалось огромное значение. Естественно возникает вопрос:

¹⁴ Архимандрит Анатолий. В стране шаманов. Индиане Аляски. Быт и религия их. Одесса, 1906. С. 110.

¹⁵ Вениаминов И. Указ. раб. С. 31.

Рис. 5. Вождь в обрядовом наряде (экспозиция МАЭ, шк. 44)

Рис. 6. Кожаный родовой герб (колл. МАЭ, № 2448—29)

почему такой важной представлялась индейцам память о родовом предке и почему столь необходимым считалось систематическое напоминание о нем?

В любом случае под родовым предком подразумевался человек, который первым занял промысловую территорию данной локальной группы, и поэтому все, чьи имена были связаны с именем легендарного основателя рода, имели право на использование родовых промысловых угодий. В условиях, когда у каждой из множества обитавших по соседству раздробленных локальных групп была своя постоянная охотничья территория, вопросы урегулирования ее границ и исключительного права на ее эксплуатацию приобретали чрезвычайно важное значение. При этом регулировались не только права кровных родственников, но и тех лиц, с которыми группа была связана взаимно-брачными отношениями. Братья жены, например, хотя и были представителями противоположной тотемной группы, приобретали право охоты и рыбной ловли в родовых угодьях ее мужа, а последний в свою очередь мог беспрепятственно пользоваться промысловой территорией кровных родственников жены. Символы родовых тотемов служили, таким образом, своеобразными маркировочными знаками, позволявшими расширять границы возможных промысловых угодий для охотников из двух противоположных брачных фратрий. При этом, разумеется, каждая группа не должна была забывать, какая из них пользуется преимущественным правом на определенную территорию, и оправданием этого права служили имя и знание предания, связанного с предком, который когда-то поселился там первым.

Понятно, что для нормального функционирования и закрепления такой системы требовались многократные периодические напоминания соседним группам об исключительных правах одной из них, а также регулярное публичное установление контингента лиц, принадлежавших к данному родовому коллективу. При отсутствии иной техники передачи

информации единственно возможным коммуникативным уровнем было непосредственное общение. Поэтому для передачи жизненно важной информации и закрепления ее использовались все случаи массового общения на родовых церемониях, и церемония потлача как нельзя лучше подходила для этой цели. По какому бы поводу ни устраивался потлач, он всегда был церемонией в высшей степени публичной, на которой помимо кровных родственников ее организатора присутствовали взрослые члены соседних групп. Большая часть присутствующих, разумеется, уже не раз получала ту основную информацию, которой была насыщена церемония, но среди них всегда находились представители молодого поколения, которые подчас впервые таким образом узнавали о конкретных притязаниях и правах одной из групп на территорию и привыкали считаться с ними. Более того, согласно традиционным правилам, каждая группа держалась на потлаче сообща и занимала строго определенное место в помещении, где проходило празднество¹⁶. Это помогало наглядно усвоить и закрепить в памяти весь контингент лиц, с которыми присутствующие уже были связаны теми или иными родственными отношениями или могли их завязать (путем вступления в брак, например) Потлач, таким образом, обеспечивал максимально высокий (для данного типа общества) коммуникативный уровень.

Потлач — наиболее эффективная возможность передачи и закрепления необходимой информации благодаря не только своему публичному характеру, но в огромной степени и традиционному сложному характеру обрядности, предполагавшей торжественность, действия по четко отработанному сценарию со множеством театральных и психологических эффектов, которым придавалось огромное значение. И в этом плане очень важную роль играла тотемная символика. Демонстрация тотемных изображений рода была, пожалуй, одной из самых ярких черт обряда. Не случайно некоторые исследователи даже называют потлач «церемонией показа родовых эмблем»¹⁷.

Еще раз напомним традиционный набор символов и приемов, использовавшихся на потлачах. Церемония, как правило, проходила в родовом доме (или в доме вождя), украшенном изображениями тотема. На самом видном месте жилища, чаще у входа, выставлялся графический или скульптурный «герб» — символ рода (рис. 6). О таких эмблемах И. Вениаминов сообщает следующее: «Знаки или гербы сии представляют того животного, по которому слывет поколение (род.— Г. Д.), и делаются или из дерева или из шкуры самого животного; знаки сии не изменяются и никогда не могут переходить из одного поколения в другое...»¹⁸. Первоначально в качестве «гербов» использовались части тела зверя (например, его шкура, череп или голова целиком), а позже, когда почитание животного подменялось почитанием его изображения, появились гербы в виде реалистических или символических изображений тотема на куске кожи или на дереве. Еще позже появились металлические гербы, так называемые «медные доски»¹⁹.

Участники празднества облачались в костюмы, символические изображения на которых отмечали их отношение к определенным тотемным группам. Главную часть обряда составляли ритуальные танцы и песни, инсценировавшие генеалогические предания. Исполнители их в соответствующих костюмах и масках подражали действиям и голосу тотемных животных. Предполагалось, что песни и танцы должны вызвать появление тотемного предка рода, которого обычно олицетворял вождь, одетый в «наследственный костюм своей семьи». Вождь рода

¹⁶ *Laguna F. de.* Op. cit. V. 7. P. 2. P. 625. Fig. 70.

¹⁷ *Emmons G.* Op. cit. P. 229; *Barnett H. G.* The Nature of the Potlatch//*American Anthropologist.* Menasha, 1938. V. 40. № 3. P. 349.

¹⁸ *Вениаминов И.* Указ. раб. С. 34.

¹⁹ В конце XIX в. гербы в виде декорированных досок, сделанных преимущественно из приобретенных у европейцев листов меди, были уже не столько предметами церемониальными, сколько символами богатства и объектами торговли. Некоторые из них оценивались в несколько тысяч долларов. Легенды, связанные с ними, к тому времени обросли множеством новых деталей и изменились до неузнаваемости.

Медведя, например, добивался мнимого перевоплощения в тотемного предка путем простого маскарада: на плечи он набрасывал шкуру медведя (со временем настоящая шкура животного стала заменяться ткаными накидками с его символами), а на голову надевал маску в виде его головы. Наряд дополнялся жезлом с изображением тотема и погремушкой, которой вождь то и дело встряхивал во время произнесения традиционного монолога. Только в обрядовом облачении, как опять-таки уже отмечалось, устроитель потлача мог раздавать гостям свое имущество, которое в этих случаях называлось шкурами или кусками мяса тотема²⁰. По окончании ритуальных песен и танцев следовало кормление гостей из посуды в форме тотемов или с их символами, специально изготовленной для этих церемоний.

Из года в год церемонии потлачей проигрывались по одному и тому же утвердившемуся сценарию. Существенно в нем менялось лишь содержание речей, произносившихся для восхваления заслуг или в память конкретных людей, ради которых устраивался потлач. Инсценировки генеалогических легенд старательно повторялись. Строго канонизированный обряд всегда с неизменным усердием подчеркивал основной традиционный мотив церемонии: упорно и навязчиво напоминать гостям из соседней фратрии, что устроители потлача состоят в кровном родстве с тотемом (родоначальником) своей локальной группы и их права на родовые угодья освящены этим родством. Организаторы праздника стремились при этом, чтобы сородичи и гости не просто вспомнили их родоначальника, но и как можно дольше сохраняли его в памяти. Гарантию успеха в достижении этой цели они видели в торжественности, драматической напряженности, пышности и эффектности церемонии. Форма, которую со временем приняла обрядовая сторона потлача, в значительной степени была определена этим стремлением.

Из сказанного видно, как высоко индейцы ценили и с каким упорством стремились сохранять в памяти поколений традиционный комплекс церемоний, связанных с основоположниками их родов. Инстинктивно или сознательно любое общество всегда старалось помнить и поддерживать традиции, обеспечивающие его стабильность. Коллективная память, как известно, наследуется и закрепляется регулярным возобновлением потока необходимой информации. Тлинкиты закрепляли жизненно важную для них традицию, регулярно пробуждая коллективную память поколений и освежая ее навязчивой демонстрацией тотемной символики на межплеменных торжественных общениях, где аудитория потребления информации была наибольшей. В обеспечении этой важной информативной функции потлача тотемной символике, как видим, отводилась весьма ответственная роль.

---

²⁰ *Аверкиева Ю. П.* К истории общественного строя у индейцев северо-западного побережья Северной Америки. С. 60—61.